

**Институт
нового индустриального развития
(ИНИР)**

**РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ
КАК БАЗОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА
ИНСТИТУТА
НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ
(ИНИР)**

Санкт-Петербург
2014 г.

Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики / Материалы научного семинара Института нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 27 июня 2014 г. / Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) (под общ. ред. С.Д. Бодрунова) / СПб.: ИНИР, 2014. – 51 с.

ISBN 978-5-00020-023-0

**© Институт нового
индустриального
развития (ИНИР), 2014**

Поиск новой модели экономического роста, дальнейшего эффективного развития российской экономической системы – вопрос, резко актуализировавшийся в конце 2013-2014 гг.

Как отмечал В.В. Путин, экономическая модель, которая осуществлялась в России в 2000-е годы, полностью себя «исчерпала». 2012-2013 годы, несмотря на общий тренд мировой экономики в сторону послекризисного восстановления и роста базовых экономических параметров, для российской экономики ознаменовался устойчивым снижением всех основных показателей, в первую очередь, – в промышленности. Деиндустриализационный курс, реализуемый правительством, экономическими властями в течение десяти предкризисных лет, привел к резкому падению объемов промышленного производства, деградации базовых отраслей промышленности, в первую очередь, – станкостроения, критическому повышению уровня зависимости российской экономики от импорта и к общей стагнации экономики, переходящей в рецессию.

Поиском путей выхода из сложившейся ситуации в настоящее время озадачены многие мыслящие экономисты. Институт нового индустриального развития (ИНИР), занимающийся в течение последних 15 лет исследованием роли и места промышленности в экономической системе страны, неоднократно рассматривал эти вопросы как в рамках научных конференций, так и публикуя материалы своих сотрудников в научных журналах и сборниках.

С нынешнего года Институт проводит серию научных семинаров, посвященных проблеме реиндустриализации экономики.

Вниманию читателя предлагаются материалы научного семинара ИНИР «Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики», состоявшегося 27 июня 2014 года в Санкт-Петербургском Доме ученых, в котором приняли участие как руководители профильных комитетов правительства Санкт-Петербурга, так и коллеги-экономисты из ряда ведущих московских и Санкт-петербургских научных центров. ИНИР выражает признательность директору Института экономики РАН, научному руководителю ИНИР, члену-корреспонденту РАН, д.э.н., профессору Р.С. Гринбергу, директору Института проблем региональной экономики РАН, д.э.н. С.В. Кузнецову, главному научному сотруднику Института культурологии РАН Л.А. Булавке, профессору кафедры политической экономии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, директору Института социэкономии МФЮА, д.э.н. А.В. Бузгалину, заведующему кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., профессору В.Т. Рязанову, ректору по научной работе Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессору А.Е. Карлику, а также председателю Комитета по экономической политике и стратегическому планированию Правительства Санкт-Петербурга, к.э.н. А.И. Котову, председателю Комитета по промышленной политике и инновациям Правительства Санкт-Петербурга М.С. Мейксину и другим коллегам, нашедшим возможность принять участие в семинаре.

С. Бодрунов

Состав спикеров научного семинара

Бодрунов Сергей Дмитриевич (модератор) – директор Института нового индустриального развития, д.э.н., профессор;

Гринберг Руслан Семенович – директор Института экономики РАН, научный руководитель Института нового индустриального развития, член-корр. РАН, д.э.н., профессор;

Котов Анатолий Иванович – Председатель Комитета по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга;

Кузнецов Сергей Валентинович – директор Института проблем региональной экономики РАН, д.э.н., профессор;

Мейксин Максим Семенович – Председатель Комитета по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга;

Бузгалин Александр Владимирович – профессор экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, д.э.н.;

Карлик Александр Евсеевич – проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор;

Рязанов Виктор Тимофеевич – заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., профессор;

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна – Главный научный сотрудник Российского института культурологи, д.ф.н.;

Губанов Сергей Семенович – Главный редактор журнала «Экономист», д.э.н.;

Цыбуков Сергей Иванович – Генеральный директор Научно-производственного объединения по переработке пластмасс имени «Комсомольской правды», к.э.н.

Стенограмма
Научного семинара
Института нового индустриального развития
(ИНИР)
«Реиндустриализация как базовое направление
модернизации российской экономики»

27 июня 2014 г. Научный семинар проходит в Доме ученых, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 26. Начало:10.00. Модератор Научного семинара – директор Института нового индустриального развития (ИНИР), д.э.н., профессор Бодрунов Сергей Дмитриевич.

Модератор: Хочу поприветствовать уважаемых гостей, которые сегодня пришли на очередной научный семинар Института нового индустриального развития – со своими сообщениями, своими мыслями по поводу происходящего в промышленности и в экономике страны, с идеями о том, куда нам дальше двигаться.

Сегодня с докладом будет выступать Руслан Семенович Гринберг, директор Института экономики Академии наук, член-корреспондент Академии наук, доктор экономических наук, профессор. Он расскажет о мегапроектах и «страстях» вокруг них в рамках новой индустриализации России. Здесь присутствуют также руководитель Комитета по экономической политике и стратегическому планированию Правительства Санкт-Петербурга Анатолий Иванович Котов, председатель Комитета по промышленной политике и инновациям Петербурга Максим Семенович Мейксин. Думаю, вы знаете и наших уважаемых коллег, руководителей подразделений институтов, научных и учебных учреждений Петербурга: Александра Евсеевича Карлика, проректора по научной работе СПбГЭУ, Виктора Тимофеевича Рязанова, заведующего кафедрой экономической теории СПбГУ, Сергея Валентиновича Кузнецова, директора Института проблем региональной экономики Российской Академии наук, доктора экономических наук. У нас сегодня в гостях и представители Москвы: профессор экономического факультета Московского университета, руководитель Центра при Московском госуниверситете Александр Владимирович Бузгалин и главный научный сотрудник Российского института культурологии, доктор наук Людмила Алексеевна Булавка-Бузгалина.

Прошло больше года с того момента, когда мы Русланом Семеновичем представили в Совете Федерации серьезный научный доклад от двух наших институтов по проблеме реиндустриализации экономики. По итогам доклада было принято много различных решений. Одно из направлений – об интеграции производства, науки и образования – мы обсудили на днях на «круглом столе» в Государственной Думе, в соответствующем Комитете, другая тема – безработица и связанные с ней проблемы – была рассмотрена вчера в Совете Федерации в рамках исполнения доклада. В этом мероприятии участвовал заместитель министра промышленности Глеб Сергеевич Никитин, наш земляк, несколько лет назад возглавлявший один из комитетов в Петербурге. Он занимается в Москве сейчас теми же вопросами, которыми занимались в свое время и мы в Санкт-Петербурге. Доложу, что в нашем городе был принят первый в России региональный закон о промышленной политике, еще в 2009 году. Хорошо это было или плохо? С сегодняшних позиций, на мой взгляд, многое нужно было в нем прописывать более жестко. Но все же важно, что мы – впервые! – сформулировали некоторые требования для городских властей, для исполнительных органов в сфере промышленной политики, в соответствии с этим законом был создан Промышленный совет, и – впервые, опять же! – мы начали говорить о промышленной политике на уровне закона. Промышленным советом была разработана и принята Концепция развития промышленности Санкт-Петербурга до 2020 года. Потом были региональные решения такого типа в других регионах и, наконец, недавно объявлено, что федеральный закон о промышленной политике согласован в правительстве и в ближайшее время будет внесен на голосование в Думу и в Совет Федерации.

Мы можем и в кулуарах, и публично обсуждать, что и как усовершенствовать в некоторых позициях закона, но то, что правительство начало заниматься промышленной политикой, – это важный тренд. Надеюсь, и наш семинар что-то добавит к пониманию происходящего в этом деле и осмыслению перспектив развития. Ну а теперь, уважаемые коллеги, я хочу предоставить слово Руслану Семеновичу Гринбергу.

Р.С. Гринберг: Я очень благодарен Сергею Дмитриевичу: он не только ученый, исследователь, но и практикующий предприниматель. У нас много людей, которые практически все могут объяснить, но немногие знают, что реально происходит. Сергей Дмитриевич – человек, который участвует в формировании рыночной экономики. Когда меня спрашивают, в чем основная причина стагнации российской экономики, я обычно говорю, что кончились государственные инвестиции на мегапроекты, а сейчас – пересменка, как в пионерском лагере. Частные инвесторы молчат, государственные потенциальные инвестиции никуда не идут, потому что никто не знает, надо ли тратить деньги или не надо. Риски в обоих случаях сумасшедшие. Первое поколение легальных русских предпринимателей стало чувствовать себя уже старичками. Они накопили денег, заработали, купили дома, некоторые – даже дворцы, а некоторые – и острова. Хотят закона и порядка на своей Родине, но не получают, и это очень серьезная тема. Нет драйва, нет энтузиазма. Однако все это никак не касается Бодрунова. Он как будто считает, что это нормально, надо жить в существующих обстоятельствах и работать, и писать, и говорить. Сегодня в «правлящем доме» – большая растерянность. Знаете – три знаменитых вопроса русской интеллигенции: кто виноват? что делать? где мои очки? Вот и сейчас: что делать? Есть консенсус по поводу причин. И в администрации, и в правительстве согласны с тем, что это – наши внутренние причины, нашей стагнации и, возможно, рецессии. Есть также консенсус по поводу того, с чем это связано. Даже приверженцы праволиберальной философии вынуждены признать, что сам по себе рост очень резко замедлился именно в связи с прекращением финансирования государственных проектов. И это, конечно, очень важно, потому что раньше был консенсус по поводу зависимости между ценами на нефть и ростом ВВП, который на 3/4 обеспечивался ростом цен на нефть. Сейчас она на высоком уровне, но насколько долго (некоторые специалисты считают, что обострение геополитики и военного конфликта в Ираке приведет к росту цен)? Это все конъюнктурные явления, но самое главное – непонятно, что должно делать государство. Вы знаете, что есть две научные школы. Представители одной из них говорят, что у нас нет никакого выхода, кроме дальнейшего улучшения инвестиционного климата, снижения налоговой нагрузки в перспективе и т.д.

В общем, надежда на то, что «проснутся» силы саморегулирования и откуда-то появятся потенциально эффективные частные инвесторы, хотя все указывает на очень вялое развитие, а показатели инвестиций – вообще отрицательные. Считается также, что надо заботиться о денежной стабильности, привлечении иностранных инвестиций... Вспомним – все это говорится последние четверть века. В одной работе, за которую авторы получили высокие правительственные награды, говорится о промышленной политике (и это уже не ругательные слова), о стратегическом планировании и каком-то целеполагании. При этом подчеркивается, что во взаимодействии частного бизнеса и государства на первом месте должен быть частный бизнес. И это нашло свое отражение даже в лексике – ЧПП. Тут какие-то особые отношения возникают с государством, потому что ведь в классическом варианте государство инициирует проекты и делает их привлекательными для частного сектора, который подключается к их реализации. Возьмем, например, Сочи. Создали симпатичный, абсолютно европейский, очень комфортный город. Даже люди там изменились. Вывод: чтобы невидимая рука рынка проснулась и действовала благотворно, нужна видимая рука государства.

Так какие цели мы должны ставить?

На мой взгляд, необходимо заниматься мегапроектами, крупными проектами на транспорте, в промышленности (железнодорожный коридор Европа – Азия) и др.

Правительство тоже склоняется к мегапроектам. Это связано и с геополитической обстановкой, и с определенным изоляционизмом, в который мы попадаем. Никто не знает – краткосрочное это явление или долгосрочное. Мы до конца не можем просчитать ни качественное, ни количественное влияние санкций, которые, на мой взгляд, будут только ужесточаться. В этой ситуации протекционизм в экономической политике становится респектабельным. Конечно, все боятся повторения 1930-х гг., когда каждая страна стремилась продавать и ничего не покупать, и это парализовало мировую торговлю. В рамках «двадцатки» все это ощущают, но «своя рубашка ближе к телу», и сейчас уже определенный протекционизм допускается даже в нарушение правил ВТО. Я обычно ругаю правительство, но сейчас оно вроде бы склоняется к тому, что альтернативы этим самым мегапроектам нет, несмотря на все риски, несмотря на то, что не все деньги будут потрачены так, как надо. Я думаю, что буквально в ближайшие месяцы не только решается вопрос об этих самых мегапроектах, но и готовятся соответствующие законы.

С.Д. Бодрунов: Спасибо большое, Руслан Семенович. Те идеи, которые вы сегодня изложили, мы как специалисты часто встречаем в научных изданиях, в общественно-политической литературе, в газетах – «Ведомостях», «РБК» и др. Понятно, что необходим приоритет государственного участия в тех проектах, которые должны двигать нашу экономику вперед.

В связи с этим я хотел бы сказать, что Санкт-Петербург – промышленный город, продвинутый в плане разработки стратегических решений в сфере развития экономики и формирования соответствующей законодательной базы. Он – один из лидеров «интеллектуального штурма» правительства, предложений в министерства и ведомства и реальных дел. В связи с этим на нашем семинаре сегодня два блока вопросов. Один блок связан с реиндустриализацией: речь пойдет о конкретных вещах, которые решаются в стране (может быть, и в рамках общетеоретических положений) и рассматриваются специалистами. Второй блок вопросов касается реализации предлагаемых проектов на практике в крупных регионах.

Мы, конечно, взяли свой родной Санкт-Петербург. В связи с этим я хотел бы предоставить слово нашим коллегам. Председатель комитета по экономической политике и стратегическому планированию Санкт-Петербурга – Анатолий Иванович Котов.

А.И. Котов: Несколько месяцев назад мы направили в Минрегионразвития, отвечавшее за проект Федерального закона о государственном стратегическом планировании, ряд вопросов, которые необходимо было бы учесть, по нашему мнению. Поэтому я соглашусь с тем, что представленный проект не решит всех проблем, связанных с планированием в регионе. Вместе с тем он определяет отношения участников, осуществляющих на территории деятельность по ее преобразованию, особенно на долгосрочную перспективу. Определение стратегий и развития, и механизмов их реализации – главное содержание готовящегося законопроекта. Одним из таких механизмов является *план мероприятий по достижению стратегических целей социально-экономического развития*.

По сути, этот документ не что иное, как *экономическая политика* исполнительных органов государственной власти, представляющая собой совокупность синхронизированных действий исполнительных органов власти по достижению, сохранению или поддержанию чего-то (например стратегических целей социально-экономического развития). Такого достаточно общее определение, которое можно взять за основу.

Я попытаюсь обозначить основные направления экономической политики, которая должна быть как у правительства страны, так и у правительства региона. Несколько дней назад на встрече с Алексеем Леонидовичем Кудриным я задал ему вопрос: «А нужна нам экономическая политика в качестве единого документа?». Он сказал: «Да, сегодня экономическая политика в форме понятного документа очень важна, особенно для бизнеса». В этой связи наше решение о принятии документа, определяющего нашу экономическую

политику по реализации Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года, не только правильное, но и необходимое, поскольку актуальность его определяется сегодня и теми вызовами, которые стоят перед экономикой России.

Несколько слов о принятой недавно Правительством Санкт-Петербурга стратегии. *Стратегия* – это, прежде всего, стратегические цели, определенные на основании ряда принципов.

К основным принципам относятся: *приоритет национальных интересов, признание в условиях современных вызовов особой роли человека и знаний в социально-экономическом развитии, устойчивое развитие Петербурга на основе соблюдения баланса социально-экономических интересов. Мы исходим из того, что устойчивое развитие обеспечивается достижением совокупности целей. Да, возможно некоторое распыление ресурсов, но за счет синергии мы добиваемся более высокого результата.*

Для оценки уровня достижения поставленных целей обязательно *применение индикаторов*, в основу которых были заложены прогнозы социально-экономического развития. Сегодня мы можем прогнозировать макроэкономические, а также некоторые другие показатели и использовать их для оценки. В стратегии закладываются *максимально высокие цели* и формируется алгоритм их достижения. При выборе основных приоритетов и целей необходим *учет ресурсных возможностей*. Валовой региональный продукт, который мы, предположим, должны иметь в 2030 г. – он чего-то стоит. Он стоит энергетических, финансовых и бюджетных ресурсов. Понятно, что за счет бюджета все не реализовать, но у нас есть инвестиции. И наконец, важнейший принцип – *обеспечение эффективности функционирования государственных институтов* и институтов гражданского общества. Государственные институты являются важным инструментом экономической политики. А взаимодействие с институтами гражданского общества – это непереносимое условие, которое реализуется через диалог с профессиональными сообществами и подписание соглашений с организациями, разделяющими наши принципы и готовыми участвовать в реализации стратегии. Такой документ мы будем подписывать примерно с двумя десятками профессиональных организаций. Перечисленные принципы являются для нас фундаментальными, понятными и реализуемыми.

Важнейшее условие реализации Стратегии – ее включение в систему документов государственного планирования, обеспечивающее определение основных направлений деятельности органов власти по достижению заявленных показателей, проект документа о государственной системе планирования Санкт-Петербурга уже подготовлен.

В системе государственного планирования Санкт-Петербурга предусмотрена *Программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга на среднесрочный период*. Этот документ представляется на рассмотрение Законодательному собранию. Данный документ вместе с государственными программами социально-экономического развития позволяет перейти от долгосрочного планирования (от 15-летнего периода Стратегии) к среднесрочному и от него – непосредственно к бюджету. С 2015 года Санкт-Петербург практически откажется от 110 несистематизированных и нефинансируемых в полной мере программ, с тем, чтобы перейти на программно-целевой метод планирования через 17 указанных выше программ (число программ соответствует числу стратегических целей принятых Стратегией).

Экономическая политика, по нашему мнению, должна включать три принципиальных направления: экономическое, институциональное и административное. Есть методы экономического, институционального и административного регулирования. Я во главу угла ставлю методы экономического управления, или *экономического характера*, призванные обеспечить коммерческую заинтересованность субъектов предпринимательской и хозяйственной деятельности – получение ими соответствующей прибыли. Принимаемые меры в этом случае должны быть направлены на развитие рыночных механизмов ценообразования, снижение издержек, обеспечение доступа к финансовым ресурсам.

Дальше нужно просто анализировать: насколько и на что может влиять регион. Возьмем систему развития рыночных отношений и рыночного ценообразования. Можем мы

на нее влиять? В чем-то – да, хотя и очень ограниченно, потому что сегодня система ценообразования зависит от спроса/предложения. Когда мы соотносим это с издержками, которые растут, то ответ становится очевидным. У нас сегодня маржа, которую должен зарабатывать предприниматель, резко сжимается за счет роста зарплаты, тарифов, за счет издержек, связанных с транспортно-логистическим обеспечением, безопасности бухгалтерского, налогового учета, а некоторые еще ведут учет по международным стандартам. Все это мешает развитию. Но влиять мы здесь в определенной степени можем, прежде всего, через развитие конкуренции, через ст. 44 ФЗ о государственных закупках, где у нас 15% закупок организовывается для субъектов малого предпринимательства и некоммерческих организаций.

Развитие рынка финансовых услуг – это важное условие для обеспечения субъектов предпринимательской деятельности финансовыми ресурсами для экономического развития. Однако вы прекрасно понимаете, что возможности региона здесь крайне ограничены. Максимум, что мы можем, – это субсидировать в определенной части кредитные ставки.

Некоторые возможности имеются у региона для формирования более рациональной системы налогового регулирования. Сегодня здесь явный крен в сторону фискальной, а не стимулирующей составляющей. При этом позиция органов федеральной власти – пока ничего особо не менять, не трогать. Но потребность в изменениях есть уже сегодня, потому что, например, произведя трактор здесь, мы окажемся в минусе, а в Канаде – получим прибыль. Это – расчеты.

Это – три основных момента. Ситуацию с учетной ставкой, инфляцией, стоимостью кредитов я даже не комментирую. Здесь возможности нашего влияния минимальны, при том, что доступность ресурсов – это очень важный аспект. Не хватает длинных денег, значит – не хватает средств для движения вперед. У нас есть один инструмент – это субсидирование процентных ставок. Очень важно грамотно, в оптимальном режиме работать по проектам, особенно по совместным проектам, с Федерацией. Здесь важно объединить усилия. Это все меры экономического характера.

К мерам *институционального* характера относятся: обеспечение условий для долгосрочной стабильности и сбалансированности бюджета посредством реализации долговременной стратегии.

Первое – финансы. Сегодня у нас – только три источника финансирования: доходы бюджета, инвестиции и дефицит, когда мы привлекаем какие-то деньги. Сегодня мы имеем в ВРП 11% дефицита.

Второе – повышение инвестиционной привлекательности. У нас есть достаточно четкая программа реализации лучших российских практик (их примерно 15).

Третье – развитие системы долгосрочного планирования реализации целей социально-экономического развития. Я считаю, что без планирования в условиях развития предпринимательства вообще невозможно жить. А мы – не планируем! Например, планирование развития системы образования должно строиться на 10-15 лет, а не от трехлетнего этапа бюджета. Это связано с демографическим аспектом, с размещением производительных сил, с расселением людей – это очень важный момент, поэтому мы вводим определенную систему планирования.

Четвертое – уровень профессиональной подготовки кадров для обеспечения эффективного функционирования рынка труда. Прежде всего, если сегодня мы определим приоритетные направления экономики через 10-15 лет, то кого мы будем готовить в университетах? Как мы сформулируем профессиональные, а потом и образовательные стандарты? Здесь – пробел, и надо работать.

Пятое – создание и развитие технологической инфраструктуры, инженерно-коммунальной, транспортной и производственной.

Шестое – развитие системы государственной поддержки экономики.

Седьмое – повышение эффективности взаимодействия с государственными институтами развития. Их у нас много, но взаимодействуем мы с ними не очень эффективно (я говорю о Петербурге). Да, мы очень плотно работаем с Внешэкономбанком, пытаемся

наладить связи с другими институтами, но такая работа должна быть активизирована.

И, наконец, *восьмое* – о мерах административного характера. Прежде всего, речь сегодня идет о регулирующих нормативно-правовых актах, которые в той или иной степени запрещают или ограничивают действия предпринимателей, допустим, при получении разрешения на строительство. Таких проблем достаточно много, и они должны решаться в рамках национальной предпринимательской инициативы. В Санкт-Петербурге разработан конкретный набор мероприятий, думаю, что с этим «злом» мы достигнем заметного результата уже в следующем году. Главное – сделать более открытой систему получения всех разрешений, в том числе и на присоединение к инженерно-коммунальной инфраструктуре.

С.Д. Бодрунов: Спасибо большое, Анатолий Иванович! Слово предоставляется председателю Комитета по промышленной политике и инновациям Петербурга Максиму Семеновичу Мейксину.

М.С. Мейксин: У нас сегодня только один возможный путь развития – это инновационная экономика. Мы не можем конкурировать со странами Юго-Восточной Азии в производстве, тиражировании дешевой и серийной многомиллионной продукции. Важно грамотно использовать те компетенции, которые у нас есть – это и есть инновационный путь развития. К сожалению, системные ошибки привели к снижению активности и кризисным явлениям. Сегодня воздействие издержек на экономику очень чувствительно.

Комитет по промышленной политике с первых дней своей организации занял не очень популярную, жесткую позицию, нацеленную на сохранение промышленного потенциала, за что нас постоянно критикуют.

Мы четко заявили, что менять виды использования промышленных предприятий, а промышленные площадки отдавать под жилую или другую застройку – нецелесообразно. Конечно, когда градостроительные ошибки уже совершены, и промышленная площадка окружена со всех сторон жильем, то у нее нет перспектив для развития, и остается только завершить начатый процесс. Но статистика показывает, что при переводе предприятий из центра города на окраину, в лучшем случае туда доезжало 10%, остальные просто прекращали свое существование, а на этом месте вырастали жилые кварталы. Мы уже имеем массу проблем в тех районах, где была сосредоточена промышленность, как, например, в Шушарах. 300 автобусов в день привозят туда людей и 300 автобусов их вывозят – это очень серьезный трафик. Я всегда привожу один и тот же пример: в конце 1980-х - начале 1990-х я студентом совершенно спокойно в 8 часов входил в метро, приезжал в центр города в университет и шел на занятия. И вот недавно я попытался попасть в метро в это же время – я 15 минут стоял, чтобы войти в павильон станции. А что изменилось? Тогда в городе было 5 миллионов жителей и сейчас по статистике 5 миллионов, но машин у нас тогда было в 10 раз меньше. Изменились транзитные потоки. Мы, разрушив прежнюю логистику, совершенно бездумно организовали маятниковую миграцию, которая ни к чему хорошему не приводит. Поэтому мы настаиваем на сохранении промышленного потенциала города и на разумном формировании промышленных и жилых зон.

Наши коллеги, например, из Испании и Великобритании, такие эксперименты провели. И Барселона, и Лондон, которые полностью отказывались от промышленности в пользу «экономики офисов», сейчас восстанавливают промышленные территории в городе. Нам их не надо воссоздавать, у нас 13% городских территорий являются промышленными. Безусловно, в центре города может оказаться экологически неблагоприятное предприятие. Так давайте переведем его на окраину, а на этом месте сохраним площадку и разместим другой вид производства. А мы берем инженерно-подготовленную площадку под предприятие и строим на ней жилье, для которого не нужно столько электричества, столько коммуникаций, инженерии, таких мощных очистных сооружений. А дальше мы за бюджетные средства строим заново инженерную инфраструктуру для новых предприятий в чистом поле.

Вдумайтесь: это наш бюджет, наши городские деньги, которые могли бы пойти на другие проекты. Поэтому считаем, что крайне важно сохранить эти промышленные площадки и развивать на них современные чистые экологические производства, обеспечивая локальную занятость населения.

Теперь, что касается промышленной политики и формирования промышленности как локомотива городской экономики. За последние полтора года пришло осознание того, что промышленность – это основа экономики нашего города. Благодаря усилиям членов Промышленного совета, нашей общественности и научных кругов тема промышленности реально зазвучала – это серьезное достижение последнего времени. На наш город сейчас приходится 6% отгруженной промышленной продукции по РФ в целом, а доля Санкт-Петербурга в общем оборонном заказе страны составляет более 10%.

Назову восемь позиций, которые мы считаем крайне важными для решения задач промышленной политики Петербурга: технологическое развитие, стимулирование инновационной активности, создание инновационной инфраструктуры, кадровое обеспечение современной промышленности, энергоэффективность, поддержка и продвижение существующих предприятий на внутреннем и внешнем рынках, развитие интеграции промышленности с наукой.

Петербург – это первый субъект Федерации, который принял свой закон о промышленной политике. Сегодня в городе порядка 60-ти крупных промзон. В этом году работает комплексная программа «Наука. Промышленность. Инновации». С 2015 года это будет новая государственная программа, в которой будут учтены самые востребованные элементы, которые были в комплексной программе. Доработана Концепция развития промышленности до 2020 года. Предусмотрено 8 основных мероприятий по поддержке промышленности, в том числе: повышение энергоэффективности, субсидии по уплате лизинговых платежей, взаимодействие с федеральными институтами развития и субсидии, связанные с компенсацией затрат на подготовку заявки на софинансирование, участие в международных выставках и ярмарках, проведение НИОКР с привлечением отечественных вузов и научных организаций. Сформировано 6 основных направлений развития, в число которых входят энергомашиностроение, IT и фармацевтика.

Крайне важной является реализация кадровой политики для предприятий города, в связи с чем предприятиям оказывается поддержка по возмещению затрат на подготовку и переподготовку кадров. Создаются учебные центры при предприятиях – в частности, учебный центр при заводе имени Климова уже успешно работает. Реализуются совместные проекты с Политехническим университетом и другими вузами.

Подводя итог, хочу отметить, что у нас сейчас есть все шансы для того, чтобы отечественное производство занимало достойное место на мировом рынке. Мы должны этим воспользоваться.

С.Д. Бодрунов: Значит, можно говорить о серьезных подвижках в реализации промышленной политики. Городской администрацией и общественностью проделана большая работа. Много работал Промышленный совет, создавалась Концепция развития промышленности Санкт-Петербурга, городские программы. В частности, созданием Концепции и мне, и ИНИРу пришлось заниматься непосредственно.

А сейчас, коллеги, я хотел бы предоставить слово Александру Евсеевичу Карлику, который был руководителем одной из групп по созданию Концепции развития промышленности и занимался формированием всех последующих документов.

А.Е. Карлик: В работе по формированию промышленной политики, доработке Концепции промышленного развития Санкт-Петербурга и той части Стратегии экономического и социального развития города («Стратегии 2030»), которая посвящена промышленности, принимала участие большая группа ученых, практиков, большой вклад внес Комитет по промышленной политике.

Я хочу сказать о той проблеме, которой мы в настоящее время занимаемся. Мы везде пишем, что Петербург является структурообразующим центром СЗФО, но субъекты, входящие в СЗФО, неравноценны: это и промышленные регионы, прежде всего Санкт-Петербурга, и регионы, которые были промышленными, но перестали ими быть, скажем, Псковская и Новгородская области; это – и регионы, которые являются чисто добывающими, например Коми, и т.д. Развитие Санкт-Петербурга, в том числе промышленное, непосредственно зависит от того, как будут развиваться регионы Северо-Запада.

В последние годы в промышленных центрах (именно центрах обрабатывающей промышленности) рост практически сведен к нулю.

Ну а теперь – смотрите: проект закона о промышленной политике появился в 1998 г. Как сказал господин Котов, федеральный закон только сейчас, видимо, будет принят, но до этого более 50 субъектов Федерации вслед за Санкт-Петербургом приняли свои законы о промышленности, промышленной политике, т.е. каждый регион делал промышленную политику «под себя», учитывая более или менее интересы макрорегионов, политику государства и т.д. Поэтому, видимо, с выходом нового закона придется приводить в порядок промышленную политику отдельных регионов, и обязательно должна появиться промышленная политика федеральных округов.

Государственная промышленная политика в неявном виде существует, а вот промышленной политики федеральных округов и регионов, не являющихся административными образованиями, нет. Я не хочу говорить о муниципалитетах, поскольку, если муниципалитет Екатеринбурга может иметь свою собственную промышленную политику, то муниципальные образования в рамках Санкт-Петербурга – не могут.

Так что же у нас с промышленностью?

Уже многие десятилетия мы твердим, что у нас сырьевая экономика, и это – нехорошо. Все с этим соглашались, но практически никто ничего не делает. И как же мы используем это сырье? Примерно 50% российской нефти идет на экспорт, 30% газа тоже экспортируется. За счет более или менее стабильных цен на нефть и газ в госбюджет поступают значительные средства. Пока ситуация не меняется. Но что нас ждет впереди? Да, мы заключили прекрасный договор с Китаем, который, на мой взгляд, сыграл скорее политическую роль, чем экономическую. Мы пошли на определенные уступки Китаю (хотя и не кардинальные). Тем не менее, европейский вектор экспорта не вечен. Это признают и «Газпром», и ряд других газодобывающих и газопоставляющих организаций. По всем документам, которые принимает Евросоюз, прогнозируется снижение потребления газа к 2020 г. на 25%. Деньги вкладываются в альтернативную энергетику (хотя к ней я отношусь скептически) и в другие потенциальные энергоносители – например, в водородное топливо. Сейчас оно на вес золота, но если эксперименты, проводимые на Западе, окажутся успешными в промышленном отношении, то все наши газодобывающие скважины можно будет закрывать. Поэтому нам необходимо максимально эффективно использовать то, что мы добываем. Иначе – извините, есть такое выражение «с миру по нитке – коту под хвост». Поставка сырых материалов – это самый неэффективный путь их использования.

Наши потери от экспорта энергоносителей: добавленной стоимости нет, отсюда – потери бюджетов различных уровней; система научных исследований в нефтегазовом комплексе не развивается. А зачем ее развивать, если мы можем поставлять на экспорт сырую нефть и газ? Далее, нефтеперерабатывающие заводы, газохимические предприятия – это высокотехнологичные производства, т.е., поставляя сырую нефть и не развивая нефтегазопереработку, мы лишаем себя большого количества высокотехнологичных мест – которых, как вы помните, требует президент – в России должно быть 25 миллионов.

Кроме того, раз мы поставляем газ и нефть в необработанном виде, не строим нефтеперерабатывающие предприятия – значит, нам не нужны квалифицированные кадры в этой сфере и т.д. Все это косвенно влияет на нашу экономику. Вот парадокс: экспорт автомобильного бензина в России в последний год составляет примерно 6% – из-за того, что у нас нет мощностей. В России всего 14 крупных нефтеперерабатывающих заводов, один из них в СЗФО. Как только 2-3 завода в год выходят на плановый ремонт, начинаются перебои

с бензином. И встает проблема: что же нам нужно?

Существует две группы регионов. Первая группа – северные арктические, где сосредоточены практически все виды сырья: нефть, газ и т.д. Условия функционирования здесь – экстремальные природно-климатические, труднодоступность территорий, очаговый характер расселения. Высокая стоимость и низкая конкурентоспособность продукции и т.д. Вторая группа регионов – это так называемые промышленные. Так называемые, потому что из промышленных остался один Санкт-Петербург. А в Новгородской, Псковской, Вологодской и Ленинградской областях, которые были центрами обрабатывающей промышленности – практически все это исчезло. Все остальное – это последствия: исчезла промышленность – уменьшилось население регионов (практически – на 25-30%). Потеря рабочей силы – трудоспособного населения – ведет к снижению объемов промышленного производства и, соответственно, возможностей социального обеспечения населения. Цепочка выстраивается достаточно нехорошая.

Вопрос: как поднять уровень жизни и повысить промышленную значимость этих регионов? Мы провели переговоры с «Газпромом», «Роснефтью», руководством Новгородской и Псковской областей, и они согласились с тем, что одним из инструментов развития бывших промышленных областей может стать строительство в них нефтеперерабатывающих предприятий. Сознывая, что рынок Западной Европы может «сломаться», наши монополисты думают о перенаправлении потоков нефти и газа из арктической области вглубь России, и СЗФО может стать тем регионом, где это можно попробовать. Что это даст? Во-первых, нужна подготовка высококвалифицированных кадров, поскольку современные нефтеперерабатывающие предприятия – это высокотехнологичные производства. Это – увеличение доходной части бюджета бывших промышленных регионов, рост уровня оплаты труда в регионе (даже если это только часть Псковского региона). Развитие производства связано с привлечением рабочей силы на предприятия, а это – рост населения, это семьи и пр. Это – развитие предприятий сервиса, сельского хозяйства, которое было достаточно развитым в этих регионах, и т.д. Посмотрим, какое это имеет отношение к промышленной политике, проводимой в Петербурге. Если строится завод – значит, строятся трубопроводы, производятся трубы, должны быть газоперекачивающие и нефтеперекачивающие агрегаты. То есть – развивается промышленность города. Возникает мультипликативный эффект: производство труб, газоперекачивающих агрегатов и другого оборудования для нефтепереработки позволит увеличить объем промышленного производства примерно на 12-14%. А это уже очень много.

Р.С. Гринберг: При вступлении в ВТО были допущены ошибки, но я не соглашусь с тем, что увеличение количества тракторов в Америке и его уменьшение у нас связано исключительно со снижением таможенных тарифов. На самом деле нам надо быть в ВТО, и надо спокойно нарушать правила, как это делают они. Вспомним историю с «Боингом» и «Аэробусом», когда они друг друга обвиняли во всех смертных грехах, только чтобы пакистанцы купили именно их самолеты.

А.Е. Карлик: Руслан Семенович, я согласен с Вами в том, что к правилам ВТО надо относиться спокойно и спокойно их нарушать, если это выгодно. И в ВТО оставаться необходимо – хотя бы потому, что мы хоть что-то сможем там защищать. Не знаю, насколько это будет продуктивно, но оставаться и участвовать во всем этом «безобразии» надо, не забывая никогда о своих интересах.

С.Д. Бодрунов: Следующее слово нашему уважаемому коллеге Сергею Валентиновичу Кузнецову, доктору экономических наук, директору Института проблем региональной экономики Академии наук.

С.В. Кузнецов: Политические факторы осложнили экономическое развитие как в Европе, так и в России. Интеграционные процессы в Евросоюзе наталкиваются на целый комплекс проблем, усиливается неравномерность социально-экономического развития

внутри ЕС, а также социальное неравенство внутри большинства стран-членов. Еврокризис уже разделил эти страны на победителей и проигравших, причем и те, и другие де-юре являются членами ЕС. Что касается перспектив развития ЕС, они представляются достаточно скромными в сравнении, например, с Китаем. По прогнозам, к 2030 г. доля ЕС в мировой экономике будет составлять 15,5% (в 2007 г. – 20,8%).

Задачи реиндустриализации России можно решать различными способами, в том числе, как здесь отмечалось, используя политику изоляционизма. Однако эта идея азиатских стран для нас вряд ли приемлема. Внешнеэкономические связи позволяют приобрести современные технологии и оборудование, необходимые для решения поставленных задач.

Для иллюстрации взаимодействия с ЕС я хотел бы привести некоторые данные по Северо-Западу.

Российский Северо-Запад является ключевым пунктом в программах и проектах ЕС: это «Северное измерение», постоянное партнерство и Концепция «Новый Север».

Во всех субъектах РФ, входящих в СЗФО, за исключением Петербурга, за последние 10 лет снизилась доля обрабатывающей промышленности. Высокий удельный вес в общей структуре ВРП большинства субъектов СЗФО занимает сфера услуг. В структуре ВРП растет доля лишь двух видов экономической деятельности: транспорт и связь, строительный сектор, а в отдельных субъектах – еще и добыча полезных ископаемых. Отметим еще одну важную тенденцию – рост удельного веса ВРП Петербурга в общем ВВП страны.

После распада Советского Союза коренным образом изменились функции макрорегиона и его роль в общероссийском развитии. Налицо переориентация части экономических связей регионов страны на внешнеэкономические, что стало дополнительным фактором снижения объемов межрегиональной торговли. Особое место занимают энергоресурсы: СЗФО является инфраструктурным коридором, обеспечивающим связь единой энергетической системы РФ с энергетическими системами стран Балтии, Финляндии, Норвегии, Польши, Белоруссии.

Любопытная картина: общая стоимость 10 крупнейших инвестиционных проектов Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Калининградской, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Псковской областей примерно равна стоимости 10 инвестиционных проектов Ленобласти. Ленинградская область является, по сути, геоэкономическим полигоном России, причем из 10 проектов – 5 связаны с транспортом.

Таким образом, крупнейшие проекты во всех субъектах СЗФО непосредственно связаны с транспортно-транзитной инфраструктурой или с экспортными отраслями. Реализация таких проектов в рассматриваемом виде будет способствовать нарастанию территориальных диспропорций.

Для Республики Карелия и Псковской области, несмотря на их приграничное положение, более благоприятными представляются перспективы развития арктических проектов.

Если совсем кратко, то Север-Запад можно характеризовать как макрорегион развития, макрорегион-внешнеэкономический оператор. К чему это может привести, говорил предыдущий докладчик, с которым я, в принципе, согласен. Спасибо.

С.Д. Бодрунов: Эти наработки Вы передавали господину Котову и господину Мейксину, поскольку вы участвуете в этой работе? Хотелось бы видеть в наших городских программах, концепциях вот такие, более проработанные материалы.

С.В. Кузнецов: Я вхожу в Экономический совет при Губернаторе. Это площадка, где можно обсуждать проблемы, но нашему институту достаточно сложно конкурировать на питерской площадке, где есть серьезные игроки. Мы пытаемся с ними взаимодействовать, и некоторые результаты уже есть.

Мы разработали программы по инвестиционной политике для Полпредства, Анатолий Иванович и Максим Семенович пользуются работами наших коллег из Экономического университета, Леонтьевского центра, попадают к ним и наши работы.

С.Д. Бодрунов: Следующее слово – Виктору Тимофеевичу Рязанову, заведующему кафедрой экономической теории СПбГУ.

В.Т. Рязанов: В сегодняшних выступлениях мы неоднократно слышали о необходимости импортозамещения. Высокие риски, связанные с обострением ситуации на Украине, подчеркивают важность этой проблемы.

Приведем один характерный пример. Примерно 250 украинских предприятий выполняют российский оборонный заказ, а совсем недавно новое руководство Украины приняло решение, запрещающее выполнять эти работы. К сожалению, существующие риски и угрозы, скорее всего, сохранятся, если не усилятся. Отметим, что политика импортозамещения является стандартной реакцией на кризисные процессы. Например, в США выполняется программа «покупай американское», во Франции – «поддержи отечественного производителя». И это понятно: острая конкурентная борьба побуждает к такого рода действиям.

Теперь – коротко об опыте использования импортозамещения в российской практике. Вспомним, что в августе 1998 г. именно благодаря импортозамещению был остановлен острейший кризис, и экономика, промышленное производство в очень короткие сроки (за три квартала) восстановили свой потенциал и вышли в фазу экономического роста, который продолжался вплоть до 2008 г. Причем в конце 1998 г. не только зарубежные, но и отечественные аналитики и разного рода центры прогнозировали ухудшение ситуации в 1999 г. Однако пришедшее левоцентристское правительство сумело переломить эту негативную тенденцию.

Напомним, что так называемые неолиберальные реформы привели к тому, что отечественное производство фактически было вытеснено с внутреннего рынка. Конечно, итоги политики, проводимой с 1998 г., не столь однозначны. Однако в некоторых случаях восстановительный процесс был завершен достаточно успешно благодаря восстановлению некоторых сегментов нашей обрабатывающей промышленности. Это, прежде всего – пищевая отрасль и машиностроение. И хотя не удалось выйти на уровень советской экономики, но всё же произошли существенные положительные изменения. Подчеркнем *две главные особенности* политики импортозамещения после августовского дефолта. Первая – это было *импортозамещение на некапиталоемкой основе*, поскольку 2/3 промышленного потенциала простаивали, и речь шла только о восстановлении спроса и возвращении на рынок. Вторая – *импортозамещение происходило при снижении потребительского спроса*. В 1999 г. реальные доходы упали примерно на 10%, розничный товарооборот – на 9%, тем не менее, задача была частично решена.

Считается, что основным фактором была почти 4-кратная девальвация курса рубля. На самом деле потребовались и различные макроэкономические изменения, которые и запускают программы импортозамещения. И если бы предпринимаемые усилия были более активно поддержаны инвестиционной и промышленной политикой, мы бы достигли лучших результатов. Отмечу, что в 1999 г. промышленное производство увеличилось на 11% – это самый высокий рост за всю постсоветскую историю. При этом рост машиностроения составил 19%!

К сожалению, с 2001 г. тенденция импортозамещения стала затухать, она не была поддержана ростом инвестиционного спроса. Поскольку инвестиции не пошли в экономику, постепенно произошла переориентация, и мы получили экономику не столько экспортно-ориентированную, сколько импортоориентированную.

Рассмотрим роль основных факторов в обеспечении прироста ВВП в текущих и постоянных ценах. Очень часто приводят цифры в текущих ценах, которые показывают одну картину, а при переходе к неизменным ценам, когда убирается фактор роста цен, картина совершенно меняется. Так, оказывается, что чистый экспорт на самом деле (в постоянных ценах) имел отрицательное значение. То есть с точки зрения обеспечения экономического роста у нас была модель не чисто экспортно-ориентированная – можно сказать, что экспорт

угнетал производство, а не способствовал его расширению. Уже в 2007 г. у нас появилось отрицательное значение чистого экспорта в постоянных ценах, и мы вступили в фазу импортоориентированного производства. Далее – по поводу изменения факторов емкости рынка, его пополнения. В текущих ценах, казалось бы, все неплохо: более 3/4 прироста емкости внутреннего рынка обеспечивалось за счет внутреннего производства. Но на самом деле – это «рост» за счет фактора цен. Фактически (в постоянных ценах) ситуация совсем иная: лишь примерно чуть больше трети – реальный прирост внутреннего производства и почти 2/3 – прирост импорта. Замечу, что с 1999 г. по 2001 г. доля импорта в постоянных ценах была 22%, а в итоге в этот нынешний докризисный период она превратилась в 63,5%. Вот эта смена модели экономического роста с ориентацией на импорт и привела к достаточно плачевным результатам.

Перейдем к последнему этапу посткризисного периода. Значение чистого экспорта было отрицательным, а механизм «импортовывеснения» был запущен в полной мере. Рост ВВП с 2010 по 2013 г. фактически покрывался за счет импорта, поэтому обрабатывающие производства до сих пор не вышли на докризисный уровень.

И – последнее, как можно оценить потенциал импортозамещения. Проанализируем структуру импорта по двум важным позициям: потребительские и инвестиционные товары. В потребительских товарах наши ресурсы составляют 5-6 триллионов рублей из 12 триллионов. По инвестиционным ресурсам (а только на замещение физически устаревшего оборудования необходимо 15-17 триллионов рублей) масштаб импортозамещения – 4-5 трлн. рублей. Таким образом, ресурс для импортозамещения можно оценить в 10-11 триллионов рублей – это рост ВВП примерно на 20% и фактически восстановление экономического потенциала, с которым мы входили в неолиберальные реформы!

Теперь – что касается реализации курса на импортозамещение. Конечно, напрямую повторить рассмотренный выше вариант практически невозможно. Сегодня мы выходим на модель капиталоемкого замещения. Часто утверждают, что у нас нет резервных мощностей, хотя на самом деле они есть. По оценке Минэкономразвития, в обрабатывающей промышленности в целом загруженность оборудования – 65%. Конечно, это устаревшее оборудование, вот почему речь идет о капиталоемком импортозамещении. Второй момент – изменение отношения к валютному курсу. Идея занижения курса в целях стимулирования экспорта на самом деле разрушает не только программу импортозамещения, но и всю программу новой индустриализации. Сегодня для осуществления импортозамещения и новой индустриализации на первом этапе нужно закупать современное оборудование. Для этого необходимы не столько заниженный курс рубля, сколько экономическое стимулирование наших обрабатывающих компаний. Считаю, что сегодня импортозамещение – это неотъемлемое звено курса на новую индустриализацию, которая без него невозможна (во всяком случае – в начальной фазе). Спасибо за внимание.

Р.С. Гринберг: Виктор Тимофеевич, я даже помню, как они все испугались, что их «на плаху» поведут, а потом Чубайс сказал: это же мы сделали девальвацию, и из-за этого начался экономический рост. Это было очень забавно. Я – к тому, что установка не очень сильно менялась: как была установка на потребителя с самого начала реформ в 1991 г., так и продолжалась. Ваши данные очень красноречивы. Я к тому, что, когда вы делаете упор на импортозамещение – ну, наверное, тотально это нельзя делать? Здесь тоже нужны приоритеты, надо понять, где замещать, а где не замещать. Если это будет тотальное импортозамещение, то надо просто закрывать рынок, вернее, рынки. Ну если вы совсем отказываетесь от конкуренции с импортом, то у вас ведь вообще нет никаких шансов на цивилизованное развитие экономики, или я не прав?

В.Т. Рязанов: Вы очень много сказали и много задали вопросов. Чтобы на них ответить, мне надо делать еще один доклад. Попробую очень коротко. Все, что произошло, это с неба не свалилось и не связано исключительно с падением курса рубля. Была принята программа, разработан комплекс мер, которые сработали, причем именно меры по

поддержке производства. Была целенаправленная политика. Другое дело, что не все было реализовано.

И последнее, по поводу импортозамещения. К сожалению, выбор зависит не только от нас. Если нам закроют доступ к технологическим ресурсам, особенно в оборонном комплексе – что тогда? Я не сторонник тотального импортозамещения и закрытия экономики, потому что прекрасно понимаю пользу международного сотрудничества. Импортозамещение должно быть целенаправленным, не предполагающим очень жесткую защиту, и сопровождаться курсом на новую индустриализацию, тогда у нас все получится.

С.Д. Бодрунов: Виктор Тимофеевич, спасибо большое. Если вы позволите, я добавлю два слова. В конце 1990-х гг., после кризиса, в правительстве стала формироваться т.н. «Программа реструктуризации и развития промышленности». В рамках этой программы формировались такие известные интегрированные структуры, как «Аэрокосмическое оборудование», где я длительное время работал директором. Документы о создании этого интегрированного холдинга подписал Евгений Примаков. Это был единственный светлый период за 20 лет постсоветского времени, когда всерьез задумались о восстановлении промышленности. Мне кажется, что то правительство было нормальным, и главное, – думающим. К сожалению, политика затем изменилась, при А. Кудрине, но сегодня мы просто вынуждены, тем не менее, возвращаться к этой проблеме, говорить о «новой индустриализации».

Сегодня здесь присутствуют специалисты из Москвы, и я хотел бы предоставить слово Александру Владимировичу Бузгалину.

А.В. Бузгалин: Спасибо организаторам этого семинара за возможность вести дискуссию по одной из самых острых и жестких тем. Некоторое время назад в этом зале накануне Международного экономического форума (МЭФ) мы спорили о реиндустриализации в приоритетах человеческого развития. Продолжая эту дискуссию, хотел бы подчеркнуть, что современной экономике (в той или иной мере рыночной), на мой взгляд, необходимо планирование. Какое-то время назад это слово стало считаться неприличным, и тот, кто говорил, что в экономике должно развиваться планирование, выглядел человеком, вылезшим из старого сундука и пропахшим нафталином. На мой взгляд, и тогда, и сейчас должно говорить о том, что это – система отношений, а не просто некоторая технология, она абсолютно необходима и любой развитой экономической системе, и той, которая хочет встать на путь развития. В этой связи я и ставлю проблему развития планирования для российской экономической системы.

Прежде всего – о том, что это такое. Кто-то под планированием понимает исключительно прогноз. У нас часто «сочиняли» разного типа программы, классический образец – программа 2020 (не буду вдаваться в подробности). Прогноз хорош, когда это реальный прогноз. Вот накануне кризиса 2008 г. на совещании у ректора МГУ директор одного солидного института сделал оговорку «по Фрейду», сказав: «Когда мы для правительства делали прогноз под 7% годового роста...». Повторю, настоящий прогноз – это серьезно, но, на мой взгляд, это не планирование, а один из компонентов планирования – максимум. Традиционно планирование понимается (особенно сторонниками рыночного фундаментализма) как директивный бюрократический план. При этом постоянно транслируется миф о том, как в СССР из одного центра планировалось «до гвоздя» все 20 млн. видов продукции. Откуда этот миф взялся, я не знаю. Но считать, что планирование невозможно, потому что нельзя из одного центра спланировать всю продукцию для большой страны, это примерно то же самое, как сказать, что армия невозможна, поскольку генералиссимус не может отдать приказ каждому солдату. Во-первых, в СССР планировалось от трети до 50% продукции, так сказать, крупнейших натуральных показателей. Все остальное уточнялось в договорах, и это – в самый бюрократический период. Во-вторых, всегда существовала иерархическая система – тем не менее, это не обязательно директивный план. Я буду говорить о планировании как о программе, которая

включает в себя разные методы, цели (обязательно), систему целей, дерево целей и таким образом реализуется в современной рыночной экономике. Среди средств выделю лишь некоторые: система правил игры, которую я предлагаю трактовать немного иначе, чем это делает новый институционализм; система мер косвенного регулирования промышленной политики – это не совсем одно и то же, но для краткости примем их близкими; обязательные государственные производственные задания – аналог директивного плана, о чем сегодня тоже не принято говорить.

Итак, давайте посмотрим на цели. Принято считать, что цель – это ерунда, главное, чтобы деньги были. Любимый вопрос экономистов: где взять деньги. На мой взгляд, самый главный вопрос: для чего нужны деньги. В зависимости от того, как мы поставим этот вопрос, выяснится: много нужно денег или мало, нужны они или не нужны. Если целью является переход в точку невозврата, о чем прямо говорило правительство Гайдара: невозврата к советской системе – это одно, если целью являются финансовая сбалансированность, либерализация и приватизация – это почти то же самое. Если же целью является развитие человека – это совсем другое. Если целью является собственно производственный рост – это немножко другое, чем развитие человека, хотя они пересекаются. Я считаю, что приоритет человеческих качеств – это главная цель, ради которой должно работать производство, необходимы приоритетные направления развития образования, науки и культуры, безопасность и все остальное. В итоге мы должны получить систему конкретных целей – дерево целей. И эти цели должны быть стабильными хотя бы на 5, а лучше – на 10 лет, в противном случае вся система дальнейшего программирования бессмысленна. Нельзя менять целевые установки каждый год или каждые 2-5 лет. Мне кажется, это важно. Далее мы детализируем систему средств – А, Б, В при привязке к субъектам, ресурсам и механизмам реализации. О правилах игры обычно говорят: необходимо обеспечить защиту прав собственности – и ставят точку. Я добавляю – и ответственность собственника. В конституции ФРГ есть статья 6, которая говорит: *собственность обязывает*. Если вы собственник пахотной земли, вы должны производить сельхозпродукцию. Собственник замка должен пускать в замок экскурсии. На берегу Рейна продаются замки за 1 евро. Без шуток. Покупайте. Но после этого вы обязаны его реставрировать, сделать из него музей, пускать туда посетителей, а сами можете жить только где-нибудь на кухне. Все. И вы собственник замка.

На самом деле такие виды ответственности есть и в Латинской Америке, а не только в развитых странах. Далее, должны быть стабильные правила игры в области селективной поддержки тех или иных сфер экономики. Если мы сказали: ребята, в течение 5 лет будет осуществляться поддержка этих сфер, вот эти сферы мы будем сокращать, эти – поддерживать, а для этих – будут нейтральные правила, – эти правила нельзя менять. Это – стабильные правила игры, но не правила свободного рынка. Необходим паритет производства общественных благ, ориентированных на некоммерческие ценности, и частных благ, удовлетворяющих рыночные потребности. Мы об этом часто забываем. Недавно у нас обсуждалась докторская диссертация по проблемам потребления, в которой все потребление сведено к рынку. Между тем человек сегодня от 1/3 до половины своих реальных потребностей удовлетворяет при помощи общественных благ, где он ничего не платит, т. е. он расплачивается своим трудом. Вот вы все платите сегодня за потребление общественного блага – знания, работая здесь несколько часов бесплатно. Точно так же мы работаем в библиотеке, в Эрмитаже, общаясь со своими детьми, внуками, любимыми женщинами или мужчинами. Это очень серьезно. И экономика должна на это работать.

Наконец, об *изменении соотношения общества и рынка*. Принято считать, что усиление роли государства – это плохо или про это вообще не надо говорить. Сегодня выступали многие докладчики, к которым я отношусь с большим уважением, но никто жестко не сказал: «Друзья, нам надо перейти от 30 с небольшим процентов официальной роли государства в экономике к 50 или 55% распределения ВВП государством». Даже те, кто говорит, что надо усилить роль государства, очень редко называют эту цифру, поэтому я с радостью прочел статью Руслана Семеновича Гринберга, где он прямо об этом написал.

Теперь – о *селективной модели*. Уважаемые коллеги, в рамках единой программы мы четко говорим: проект создания высокотехнологичного производства надо рассчитывать не на 5, а на 10 лет. Если вы занимаетесь развитием образования, выращиваете специалистов, необходимых стране, а не просто продаете дипломы, если вы создаете наукоемкие технологические комплексы, защищаете природу и т.д. – ваши налоги минимальны или вообще сводятся к нулю, вы получаете дешевый долгосрочный кредит на выгодных условиях на 5-10 лет и т.д. Для этого существует селективный протекционизм. Не закрытость экономики, а селективный протекционизм – там, где это нужно, когда мы постепенно входим на мировой рынок. Говорят, ребенка можно научить плавать двумя методами: бросить в море, пусть плывет, потонет – его проблемы; второй вариант – держать его в ванночке всю жизнь. На самом деле есть третий вариант – научить его плавать в бассейне, а потом отправить в море. Вот такой селективный программируемый плавный протекционизм, на мой взгляд, нам нужен.

Об *обязательных государственных заданиях*. Не будем забывать – речь идет о государственных инвестициях, которые осуществляются на основе конкурсов и являются обязательными. Приняли решение: в течение 5 лет инвестируем туда-то – и это обязательное задание.

О *планах производства для предприятий госсектора*. Сегодня многие государственные предприятия больше похожи на частные корпорации, чем любая частная корпорация. Хозяева этих предприятий – формально госчиновники, а гребут деньги лопатой, имеют «золотые парашюты» и пр. Но это же государственный сектор, они должны иметь план. Если они хотят работать на чисто рыночных условиях – пусть будут частными. Государственные заказы – тоже должны быть привязаны к директивному плану и селективному регулированию, в конечном итоге – к целям программы. Ну и, наконец, программы ГЧП. Здесь частный бизнес попадает в сложную ситуацию. На мой взгляд, если вы включаетесь в ГЧП, вам говорят: будь добр в течение 5 лет выполняй эти обязательные задания, за что тебе дадут 7 или 10% прибыли (не 15 и не 25%). При этом тебе гарантированы рынок, твои 10%, почет, уважение и защита от «наездов». Все это независимо от мировой конъюнктуры.

Дальше, насчет *коррупции и бюрократизма*. Считается, что, развивая планирование, мы усиливаем роль государства, что приводит к росту коррупции и бюрократизма. Но, коллеги, давайте сравним элементарную статистику. Финляндия, Швеция, Дания и другие страны с 55% распределения ВВП государством занимают 1-5-е места по качеству экономики (в смысле отсутствия бюрократизма и коррупции); США – на 10-м месте, хотя у них меньше доля перераспределения ВВП. И те и другие относятся к развитым странам. Получается обратная связь: чем «меньше» государства, тем выше коррупция и бюрократизм. Это устойчивый тренд.

Россия является исключением, подтверждающим правило. У нас доля государства еще меньше, а коррупция еще больше. Посмотрите на парламент Дании, стоянка перед ним уставлена не «мерседесами» и не «вольво», а велосипедами. В России государство играет очень большую роль в экономике. Формально – это 35%, на самом деле – гораздо больше, потому что это теневое регулирование, «позвоночное» право, старый советский блат, возведенный в степень, плюс «ручное управление», которое может быть как хорошим, так и плохим. У меня был очень странный разговор с одним интервьюером в Питере. Он мне объяснил, что мы, профессора, ни черта не знаем про экономику, а вот он лично летал с Путиным, который по ночам мотался, чтобы спасти закрывающиеся предприятия. Наверное, хорошо, что предприятия не закрылись, но то, что президент должен по ночам мотаться, чтобы этого не случилось – это, ребята, ненормально. Это не плановая и не рыночная экономика, а ручное управление, которое должно уйти в прошлое. План плохо совместим с ручным управлением. Если есть ручное управление, значит, план плохой, а рынок еще хуже.

И последнее – это *демократизация рынка и управления*.

С.Д. Бодрунов: Александр Владимирович, большое спасибо за чрезвычайно интересное выступление. И все же позвольте не во всем с Вами согласиться. Спорить можно о том, что есть государственное и негосударственное вмешательство, управление и т.д. Но что касается некоего парадокса: мол, у нас и коррупция есть, и государство вмешивается много – я полагаю, что коррупция возникает и развивается, когда под государственным зонтиком, прикрываясь государственными лозунгами и «крышей», преследуются частные интересы, которые формализованы и, может быть, реализуются через коррупцию. В результате роль государства как института снижается. Это если говорить о нормальном государстве, если же речь идет о государстве, в котором коррупция является элементом государственного управления, – тогда дело другое.

А.В. Бузгалин: Сергей Дмитриевич, я редко говорю комплименты, но Вы, на мой взгляд, замечательно продолжили то, чего я не сказал. Буду рад говорить об этом, ссылаясь на Бодрунова. Мне кажется, это серьезная формулировка: коррупция – уменьшение роли государства. В некотором смысле, может быть, это новый закон Бодрунова.

С.Д. Бодрунов: Уважаемые коллеги, у нас сегодня присутствует очень интересный, на мой взгляд, докладчик. Это Людмила Алексеевна Булавка-Бузгалина.

Л.А. Бузгалина: Хочу сказать следующее: вот как культуру нельзя объяснить только из культуры, так и экономику нельзя объяснить только из экономики. Маленький пример: два дня назад еду в машине в Москве. Везет меня мужчина с благородным, красивым лицом, таджик, и всю дорогу говорит мне о достоинствах ислама, своем понимании ислама. В завершение любопытный вывод: «Вы знаете, в чем преимущество ислама перед православием: Аллах подарил нефть только тем территориям, которые исповедуют ислам». Это пример того, как экономический фактор проникает, врастает в сакральные вещи.

Обратимся к практикам индустриализации в 1930-х гг. и посмотрим, что двигало тогда этим процессом, когда крестьянин становился рабочим, рабочий – инженером, инженер – ученым. При всей сложности и всех противоречиях советской практики индустриализация осуществлялась преимущественно за счет трех факторов: материальные интересы; ГУЛАГ (внеэкономическое принуждение); энтузиазм.

Эти тенденции существовали, переменяясь: в ГУЛАГе ученые делали диссертации; заключенные с энтузиазмом строили новые города социализма и т.д. Какова же ситуация сегодня, как она может повлиять на реализацию программы реиндустриализации (или «неоиндустриализации» – как хотите)?

Обозначу основные черты современного социокультурного контекста, который является важным фактором этой модернизации. Первое – это детерминация рыночных отношений, условно говоря, рыночный тоталитаризм, который диктует власть рыночных отношений в сферах человеческой жизнедеятельности; второе – капитал отчужденного труда, когда человек не нужен, не нужны труд, наука, культура, искусство. Теперь понятно, почему проводится такая политика в сфере науки.

Наука сегодня в какой-то мере связана с целями модернизации, если мы говорим о реиндустриализации. Для капитала наука и культура представляют чисто прагматичный интерес, а сам ученый воспринимается ими как нежелательный паразит на теле капитала и бизнеса.

Фактор субъектности человека: кто он, сегодняшний человек – объект модернизации или субъект? Это – принципиально важный момент, потому что, будучи отчужденным от действительности, не понимая ее природы, противоречий и закономерностей, что может производить человек? – Симулякры. И само его участие в процессах модернизации тоже симулятивно. Отказ индивида от императива субъектности превращает его в функцию, причем в функцию, которая исходит только из частного интереса. Мне не важен результат, не важно качество, я симулятивно осуществил такую атрибутацию своего присутствия в процессе модернизации – и все.

Возьмем второй мощный фактор модернизации – знание. Что есть знание сегодня? Это товар, средство карьерного роста, знак самоидентификации, система знаков навигации в рыночном пространстве. Вы можете отличить Дюрера от Шишкина? Тогда понятно, на какой ступени социальной, культурной и экономической лестницы вы находитесь. Сегодня массив знаний – это массив информации, которая берется и не рассматривается вне причинно-следственных связей.

Идем дальше. Знание отчуждено от действительности, специализированное знание сегодня не связано с общей картиной мира, оно не исходит из этой общей картины и не работает как целостная модернизация целого процесса. Соответственно – нет конкретных задач. А раз нет конкретного представления о реальности, значит – знание не привязывается к конкретным задачам.

Знание не является сегодня бескорыстным, оно носит вульгарно-утилитарный характер. Физик, исследующий какие-то теоретические абстракции, не интересен для рынка, для сегодняшней экономики, которая работает на интересы «здесь и сейчас». Знания случайны, несистемны, они не связываются ни с причиной, ни с целью какой-либо деятельности. Более того, знание сегодня иррационально, т.е. оно становится лишь аргументом для обоснования важности вот этого иррационального подхода.

Идем дальше. Знание не добывается, оно заемное, а потому некритичное, не способно фиксировать. А как можно вторгаться в процессы преобразования, не понимая противоречий действительности? «Кроссвордный» императив – вот главное отношение к знанию. Знание вне развития – мертвое. Я это говорю, характеризуя этот важнейший блок модернизации. Вот описание качественного состояния этого блока. Сегодня мир не рассматривается как мир открытый, каких-то непознанных вещей. Это супермаркет, в котором есть вещи, которых ты просто не знаешь.

Само познание не является творческим процессом. Творчество – как ресурс, энтузиазм – как ресурс. Возьмем следующий блок – перспектива. Давайте вспомним, в 1920-е гг. Ленин выступает перед рабочим казачеством, говоря не о русской идее, а о планах электрификации России. Ведь буржуазная интеллигенция и ученые, которые саботировали советскую власть и не признавали ее в первые годы, познакомившись с этим стратегическим проектом, приняли эту власть при всем критическом отношении к ней. Приняли, потому что увидели стратегию развития. Человек перспективы – это важнейшая компонента плана модернизации и реиндустриализации, который дает ответ – куда и зачем.

Завершая, хотела бы сказать следующее: для осуществления плана реиндустриализации (или «неоиндустриализации») необходимо повысить престиж рабочих специальностей, инженеров и ученых. Что такое рабочие сегодня? В общественном сознании – это спивающиеся маргиналы.

Подытожу: принуждение как фактор индустриализации – конечно, не нужно. Новый энтузиазм может и должен рождаться из интенций творческой самореализации личности. Как можно делать большие проекты в обход человека, который является мощнейшим ресурсом экономического и социального развития? Человек – это и есть контрапункт экономики и культуры.

С.Д. Бодрунов: Еще одна очень важная грань нашей обсуждаемой сегодня проблемы – развитие экономики с точки зрения развития человека, личности, человека как субъекта экономики. Эта сторона проблемы мало освещалась. Спасибо Вам большое, Людмила Александровна, за интересный доклад.

Хочу представить нашего коллегу Сергея Ивановича Цыбукова, генерального директора Научно-производственного объединения по переработке пластмасс имени «Комсомольской правды». Скажите буквально несколько слов по теме, то, что очень важно.

С.И. Цыбуков: Коллеги, промышленность не умерла и никогда не умрет, она очень живуча и с удивлением смотрит на многие происходящие процессы. Она очень довольна, что на нее какое-то время не обращали внимания, потому что теперь, когда начали обращать, как

сказал один старый директор: «Теперь нам точно хана будет».

С.Д. Бодрунов: У нас каждый выступающий директор на каждом семинаре обязательно произносит похожую фразу.

С.И. Цыбуков: С удивлением прочитал в большом «Эксперте» высказывания уважаемого мною В. Фадеева, который, проанализировав деятельность российских «газелей» (быстрорастущих компаний), с грустью сказал, что они почти все умерли. Хотя еще год назад «газелей бизнеса» у нас было больше, чем во всем мире. И вдруг они – удивительно! – обнаружили, что самые живучие предприятия с 1999 г. – это предприятия с объемом выручки 187 млн рублей. «Какие-то жалкие 6 млн долларов» – говорит Фадеев – «но они с каждым годом показывают рост. Они живучи, потому что встроились в рыночные ниши, классно работают с государством и иностранными компаниями. Государство их через кредиты поддерживает, у них хорошая репутация, поэтому есть товарные кредиты из-за рубежа. Проблемы, конечно, есть, и когда-то эти предприятия тоже начнут стагнировать».

Теперь – о глобальных проектах. Наверное, это единственная возможность выжить вот таким малым и средним инновационным производственным предприятиям, которые имеют большую советскую историю. «Трансевразийский пояс развития», о котором говорили и Руслан Семенович, и Владимир Иванович Якунин – это один из вариантов не только новой индустриализации, но и построения новой социокультурной среды. Но кто поедет туда работать? И вот мы здесь, в Петербурге, в течение 10 лет плотно работая с РЖД, начали что-то нащупывать. Модель пока вырисовывается следующая: если мы действительно будем строить там железную дорогу, если мы поймем, что каждый ее участок должен обрастать индустриальными парками, то спросим себя: кто там будет работать? Квалифицированные рабочие – большая проблема, все это понимают. Приезжие из Азии – очень быстро «осваиваются», производительность труда у них очень низкая, квалификация совсем никуда... Из других регионов все, что могли, мы уже выбрали. Вот неожиданный выход – высококвалифицированная рабочая сила из Северной Кореи. Специалистов среднего звена можно пригласить из моногородов Украины, где работы нет, а потенциал достаточно большой. Ну а высшее руководство, на мой взгляд, может быть питерским, возвращенным на наших предприятиях. Вот такая модель с инновациями, с наукой и может стать основой индустриальных парков развития.

Важно, чтобы (уважаемый Виктор Тимофеевич об этом говорил) импортозамещение было настоящим. И прогнозные планы строились на 5-10 лет вперед. Тогда нынешние научно- производственные предприятия быстро восстановятся, потому что основа у них достаточно здоровая. Поэтому – планирование, полностью поддерживаю. И, конечно, важен «человек как личность», и необходимы внятные правила игры, связанные с развитием мегапроектов. Спасибо огромное.

С.Д. Бодрунов: В завершение нашего семинара я предоставляю слово еще одному нашему московскому коллеге, Сергею Семеновичу Губанову – главному редактору журнала «Экономист».

С.С. Губанов: Я услышал много интересного, и хочу добавить к этому малую толику того, что, надеюсь, представляет общий интерес. Прежде всего, все мы, безусловно, обеспокоены той ситуацией, в которой оказалась страна. О ряде моментов речь уже шла. Позволю себе одно маленькое, но важное уточнение: мы говорим, что с 2013 г. наша экономика находится в ситуации то ли стагнации, то ли автономной рецессии, то ли затухания темпов роста. Мне кажется, это не совсем точная характеристика: не суть важно, на 1,5% будет прирост ВВП, или на ноль, или будет умеренный, так сказать, спад. Нужно понимать, что *страна стоит на пороге выбора дальнейшего пути развития – таков ключевой момент*. Потенции экспортно-сырьевой модели исчерпаны. Когда отечественные экономисты в 2008 г. поставили этот диагноз, точнее даже – приговор, то мало кто это

услышал; когда то же самое в 2013 г. ретранслировали МВФ и Всемирный банк, это получило широкий резонанс, хотя и с большим опозданием. Время было упущено. И сегодня мы видим, что экспортно-сырьевая модель попросту не в состоянии наполнять бюджет страны и пополнять ее золотовалютные резервы. Тем самым под угрозу поставлена вся политика государственной поддержки внутреннего спроса, которая проводилась с 2000 г. Чтобы не попасть в бюджетную яму, нам нужны новые источники. Абсолютно правильно мыслят коллеги, когда говорят, что эти источники должны быть неоиндустриальными, связанными в первую очередь с высокотехнологичным импортозамещением.

Разумеется, импортозамещение – тотальное или не тотальное – это не панацея, а только стартовая площадка, плацдарм. Приоритеты такого импортозамещения тоже ясны: микропроцессоры, микропроцессорная техника; вся линейка двигателей (начиная с ракетных, авиационных, электрических, судовых, корабельных и т.д.). Мы должны стать двигателестроительной державой, а двигатель потянет за собой всю цепочку, в том числе культуру неоиндустриализации. Почему? Потому что передовой двигатель олицетворяет интегрированное приложение всех достижений: и фундаментальной науки, и прикладной, и организационных форм, и квалификации кадров.

В чем заключается идея новой индустриализации, если рассматривать ее как стратегическое и прорывное направление? Логика здесь очень простая, и это – логика исторического развития. Посмотрите на страны «большой семерки»: сейчас лучше живут там, где меньше работают. Это уже статистический факт. Внешне – вроде бы парадокс. Александр Владимирович приводил цифру тоже парадоксальную: оказывается, бюрократии меньше там, где больше государства. И точно такой же парадокс: меньше работать и лучше жить. Откуда такая тенденция? От успехов неоиндустриального развития. Дело в том, что люди работают меньше лишь постольку, поскольку работают *эффективнее*. Вместо них больше работают машины, а люди все больше заняты проектированием наукоемких машин, т.е. творческим трудом, составляющим основное достижение цивилизации.

В связи с этим еще одна ремарка. В выступлениях уважаемых руководителей экономических комитетов СПб прозвучала такая мысль: рост зарплаты – это увеличение издержек. И потому-де нужно ограничивать заработки, как-то регулировать и т.д. Должен сказать – это категорическое заблуждение. Почему? Потому что модель современной конкурентоспособной экономики базируется на модели квалифицированной дорогостоящей рабочей силы. Чем дороже рабочая сила, тем больше импульсов к капиталовложениям, к замещению трудоемкого капиталоемким и наукоемким. Это и есть прогресс, прогресс, неоиндустриальный по природе. Думаю, что идея новой индустриализации связана с переходом к модели дорогостоящей рабочей силы, эффективным высоким технологиям. А высокотехнологичную продукцию нельзя выпускать на низкотехнологичных рабочих местах. Это аксиома. Значит, нужно устранить этот дисбаланс.

Сегодня назрело много вопросов, притом системного порядка. Принципиальные ответы на них должно дать Всероссийское экономическое совещание по новой индустриализации. Идея подготовки и проведения такого совещания предложена в ходе дискуссии на страницах журнала «Экономист».

В завершение скажу: мы способны жить своим умом, у меня в этом нет ни малейших сомнений. Спасибо.

С.Д. Бодрунов: Большое спасибо, Сергей Семенович! Знаете, здесь присутствуют специалисты в сфере экономики, развития промышленности, и мы за то, чтобы промышленность – была. Уверен, что она была, есть и будет в нашей России. Еще раз спасибо.

С.Д. Бодрунов,
д.э.н., профессор,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР)

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ВОПРОСЫ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

(доклад на Научном семинаре
Института нового индустриального развития (ИНИР)
27 июня 2014 года)

Сегодня и Правительство России, и бизнес-сообщество, и широкая общественность обеспокоены текущим состоянием российской экономики, которое вполне может быть охарактеризовано как состояние стагнации, и даже – перехода в состояние рецессии.

В чем причина такого положения? Почему, при всех наших преимуществах, мы не можем возобновить экономический рост?

Позиция Института нового индустриального развития (ИНИР) в вопросе определения причин стагнации однозначна – это состоявшаяся глубокая **деиндустриализация** российской экономики.

Сегодняшнее состояние нашей экономики – это фактически следствие двух деиндустриализационных ударов – первый, в 90-е годы, – из-за развала Союза, второй – в 2000-х – из-за нерасчетливой государственной экономической политики, приведшей нас в «ловушку средних доходов».

Продолжение такой экономической политики (ее следует прямо назвать политикой направленной деиндустриализации), особенно в условиях предстоящего длительного периода воздействия на нашу экономику неблагоприятных внешних факторов, становится крайне опасным и повышает риск дезинтеграции страны. Еще до известных украинских событий и введения экономических санкций против России Президент России В.В. Путин констатировал, что ныне действующая экономическая модель, основанная на экспорте углеводородов (со всеми вытекающими решениями в сфере кредитно-денежной, промышленной, социальной и т.д. политики), себя полностью исчерпала, что необходим переход к новой модели экономического роста. Еще более актуальны эти слова в нынешней ситуации.

Таким образом, сегодня перед экономическим сообществом и нашими политическими властями вновь стоит и, более того, возрастающе актуализируется задача поиска уже не просто новой модели экономического роста, а, следует сказать шире, – новой экономической доктрины России.

Сегодня в экономическом сообществе все более превалирующей становится идея необходимости возврата к парадигме приоритетного развития промышленности, особенно ее высокотехнологичного сектора. Речь идет фактически о прекращении политики деиндустриализации и переходе к осуществлению задачи новой индустриализации российской экономики. Механизмом решения задачи возобновления экономического роста, базовой парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации, или «новой индустриализации», как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты, причем – на основе нового, передового (пятого с элементами шестого) технологического уклада – путем решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России. При этом реиндустриализация возможна только в модернизированной институциональной среде, поощряющей создание продукта и развитие производства, лояльной к индустрии и бизнесу.

В связи с этим возникает вопрос – какая нужна модернизация, на базе какой идеи?

Здесь следует учитывать одно важное обстоятельство – основная конкуренция в будущем развернется на экономико-технологическом направлении и в борьбе за человеческий капитал, способный ее обеспечивать.

Высококонкурентное, высокотехнологичное производство, учитывающее технологические и институциональные вызовы XXI века, экономика знаний, с выходом на понятие экономики счастья, социокультуру, духовное развитие и т.п. – базовые элементы концепции реиндустриализации и модернизации экономики страны в ближайшие десятилетия.

Вопросы реиндустриализации российской экономики сегодня стоят в центре внимания научной общественности, политиков России. В марте 2013 года вопрос о реиндустриализации российской экономики был подробно рассмотрен Научно-экспертным советом при Председателе Совета Федерации. Выступая на этом заседании, Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко подчеркнула, что вопрос реиндустриализации российской экономики стоит в числе первоочередных задач нашего государства, что экспертному сообществу необходимо определить главные направления решения этой задачи.

В связи с этим следует отметить, что принципиальный ингредиент механизма повышения конкурентоспособности экономики и, в первую очередь, промышленности – производительность труда. Анализ ситуации с производительностью труда в России показывает, что на протяжении всей новой истории России для нее характерен низкий рост, практическое отсутствие механизмов его стимулирования, при постоянном декларировании задачи необходимости обеспечения непрерывного повышения производительности труда в качестве приоритета государственной политики. По итогам 2013 года ВВП РФ составил 3,7 трлн. долларов США (2-е место в Европе после Германии, 6-е – в мире), в то же время по ВВП на душу населения России занимает 56-е место в мире – это уровень Хорватии, Малайзии. Этот факт – прямое следствие серьезного отставания в повышении производительности труда. В списке ОЭСР по показателю производительности труда у нас – предпоследнее место (последнее – у Мексики). По данным ОЭСР, один час работы в РФ вносит вклад в ВВП страны в размере 24 доллара, что в 2,2 раза меньше, чем в ЕС, в 2,5 раза меньше, чем в США, и в 3,5 меньше, чем у Норвегии (лидера списка). К тому же фактические показатели роста производительности труда в экономике РФ непрерывно снижаются: за 2012 год – 3,1%, за 2013 год – 1,6%, прогноз МЭР на 2014 год – 1,1%. С 2003 по 2013 гг. производительность труда в РФ выросла лишь на 45%. В то же время доля зарплаты в экономике в последние 10 лет непрерывно растет – сейчас она составляет 52% ВВП, до 2007 г. – была 45%; при этом падает доля прибылей компаний в объеме экономики: 2007г. – 40%, 2013г. – 29%.

Эти цифры подтверждают взаимозависимость категорий: низкая квалификация персонала, отсталые технологии – избыточный персонал – низкая производительность труда. Если к этому прибавить рост заработной платы вследствие монетарной «накачки» экономики через резкое повышение доходов непромышленной (бюджетной и т.п.) сферы, начиная с начала 2000-х годов по настоящее время, непропорциональный по отношению к производительности труда, то мы получаем чрезмерно высокую и постоянно возрастающую долю трудовых затрат в стоимости произведенного российского продукта. Отсюда – низкая рентабельность производства (и низкое качество) продукции, усиливающаяся неконкурентоспособность продукции, перманентное сужение рынков сбыта продукции (при этом ситуация мультиплицируется в связи с ВТО!). Далее – цепочка следствий: все возрастающее недофинансирование реновации промышленного производства и продуктового ряда – дальнейшее ухудшение качества промышленных активов – дальнейшее снижение инвестиционной привлекательности промышленных активов – и т.д.

Разрыв этой негативной цепи возможен только через решение задачи обеспечения постоянного роста производительности труда. В.В. Путин недавно на Петербургском международном экономическом форуме заметил, что низкие темпы прироста производительности труда ускоряют отставание России от индустриально развитых стран, что означает консервацию российской экономики, сохранение ее «перекошенной» структуры

и предопределяет невозможность ее развития темпами, необходимыми в XXI веке для обеспечения достойной страновой конкуренции с экономическими лидерами.

Причины низкой эффективности российской индустрии достаточно известны – устаревшие технологии, архаичные методы управления производством и организации труда, избыточный персонал и т.д. Очевидно, модернизация технологий и организации промышленности сопряжены с вопросами роста производительности труда. По словам Премьер-министра Д.А. Медведева, «наши планы заключаются в том, чтобы создать и модернизировать 25 млн. современных рабочих мест и увеличить производительность труда на 50% за пять лет».

Правительством предлагаются разные механизмы повышения производительности труда. В частности, Минэкономразвития в рамках проекта Плана мероприятий по повышению производительности труда в промышленности намерено реализовать политику «кнута и пряника» – экономического принуждения предприятий к модернизации (путем введения НДС, «экологических» тарифов и нормативов и пр.) вкупе с мерами стимулирования технологической модернизации за счет снижения стоимости кредита для промышленности, стимулирование трудовой миграции и др. В свою очередь, Минпромторг устами министра Д.В. Мантурова в марте т.г. озвучил заслуживающую одобрения идею создания фонда поддержки промышленности для кредитования техперевооружения предприятий с капиталом 30-50 млрд. руб., предоставления кредитов по ставке не выше 5% годовых на срок до 15 лет под обеспечение модернизируемых или создаваемых промышленных объектов, налоговых каникул, упрощения выдачи госгарантий.

Планируемый результат от реализации упомянутых мер, по словам министра экономики А.В. Улюкаева, – «рост в комплексе обрабатывающих производств – на 77%, в машиностроении – на 90%».

Рассматривая предлагаемый Правительством комплекс мер, нельзя не обратить внимание на сопряженность проблемы роста производительности труда и проблемы безработицы. Очевидно, меры стимулирования производительности труда должны сопровождаться целым комплексом мероприятий по недопущению значительного роста безработицы.

Сегодня в России показатель безработицы существенно ниже, чем в ЕС. Прогноз МЭР на 2014г. – 5,7%; в ЕС (апрель 2014г.) – 10,5%. Однако слишком радоваться низкой безработице в РФ не стоит, поскольку она обусловлена как раз низкой производительностью труда и практикуемыми повсеместно различными искусственными мерами поддержки занятости, вплоть до административных. При этом наблюдается дефицит высококвалифицированной рабочей силы. Отметим, что сохранение спроса на квалифицированную рабочую силу при имеющей место стагнации экономики – также следствие низкой производительности труда. В свою очередь, отсутствие трудовой конкуренции дестимулирует повышение качества и производительности труда.

Таким образом, выход из этой ситуации – «отказ от политики сохранения занятости любой ценой» (Д.А. Медведев, 2013 г.), сокращение неэффективных рабочих мест. Представляется, что, действительно, без решения этой психологически и социально сложной задачи мы всегда будем сталкиваться с отсутствием стимулов к повышению производительности труда, а без кардинального повышения производительности труда в экономике, как указано выше, невозможна ее модернизация. То есть мы и дальше и все больше будем скатываться на обочину мировой экономики. Другое дело, что реиндустриализационные решения в сфере производительности труда не должны привести к социальным «неприятностям», поскольку в этом случае реиндустриализация экономики, лишившись значительной части поддерживающей ее социальной базы в лице части населения, могущей пострадать при резком росте безработицы, также станет проблематичной, поскольку благополучную и позитивно-результативную модернизацию экономики целесообразно вести в условиях относительного социального благополучия в обществе.

Рекомендованный список литературы

1. Абалкин Л.И. Россия: Поиск самоопределения: очерки. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 51.
2. Аузан А.А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М., 2014.
3. Бодрунов С.Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики / С.Д. Бодрунов // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб, 2013. – 34с.
4. Бодрунов С.Д. Модернизация России: новая индустриализация, новая модель экономического роста, новая модель развития общества, новая идеология / С.Д. Бодрунов // Актуальные проблемы экономики современной России: сборник научных трудов. Научное издание. Выпуск 9. / Под ред. А.А. Оводенко. – СПб.: ГУАП, 2013. – 202 с.: ил. С. 15-30.
5. Бодрунов С.Д. Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО / С.Д. Бодрунов // монография / Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 172 с.
6. Бодрунов С.Д. Модернизация России – политический лозунг дня / С.Д. Бодрунов // «Экономика. Налоги. Право», № 2, 2013. С. 13-15.
7. Бодрунов С.Д. Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, №1 (35), 2013. С. 4-12.
8. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России, №1 (35), 2013. С. 19-49.
9. Бодрунов С.Д. Возможности и проблемы реиндустриализации / С.Д. Бодрунов // Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы. Выпуск XVI. Сб. науч. труд. под ред. Бодрунова С.Д. – СПб.: ИНИР, 2012-2013 – 512 с. С. 59-71.
10. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, вызовы и приоритеты / С.Д. Бодрунов // «Право интеллектуальной собственности», №3(29), 2013. С. 13-15.
11. Бодрунов С.Д. Институциональные механизмы концепции нового индустриального развития России в условиях ВТО / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, № 2 (36), 2013. С. 13-17.
12. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С.Д. Бодрунов // монография/ М.: Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 680 с.
13. Бодрунов С.Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, № 4 (38), 2013. С. 4-25.
14. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности, ориентиры, императивы, ограничения, риски / С.Д. Бодрунов // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 37 с.
15. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения /С.Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России, № 1/2014 (Том сто восьмидесятый), Москва, 2014. С. 15-46.
16. Бодрунов С.Д., Лопатин В.Н. Стратегия и политика реиндустриализации для инновационного развития России / С.Д. Бодрунов, В.Н. Лопатин // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2014. – 486 с.
17. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация России: возможности и ограничения / С.Д. Бодрунов // Реиндустриализация. Круглый стол ВЭО России / «Мир новой экономики», №1, 2014. С. 11-26.
18. Бодрунов С.Д. Наука и образование новой экономики / С.Д. Бодрунов // «Город 812», № 20 (262), 16 июня 2014. С. 25-26.
19. Бодрунов С.Д. «Кнуты и пряники» новой экономической доктрины / С.Д. Бодрунов // «Российская Федерация сегодня», №12, июнь 2014. С. 18-19.

- Бузгалин А.В. Справедливость как предпосылка свободы и эффективности / А.В. Бузгалин // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 28-48.
21. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – Москва: «Книжный мир», 2012.
22. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., 2000.
23. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012.
24. Гринберг Р.С. Современная политическая экономия: экономическая свобода и социальная справедливость / Р.С. Гринберг // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С.22-27.
25. Глазьев С.Ю. Переход на новый – гуманитарный технологический уклад // Модернизация российской экономики. Уроки прошлого, шансы, риски. М., 2012.
26. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.
27. Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? / Р.С. Дзарасов // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 29-60.
28. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социс, 2014, № 1.
29. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы, 1986, № 5.
30. Некипелов А.Д. Кризис общей экономической теории: вызовы политэкономии будущего / А.Д. Некипелов // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 20-21.
31. Пороховский А.А. Современное развитие и экономические интересы // Вопросы политической экономии, 2013, №2 (7).
32. Рудык Э.Н. Национализация, социализация, демократизация власти / Э.Н. Рудык // «Альтернативы»: теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 92-120.
33. Сорокин Д.Е. Политико-экономические ориентиры институциональной трансформации / Китай и Россия. М., 2003.
34. Материалы Московского экономического форума. / Под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бузгалина. – М.: Культурная революция, 2014. С. 15-17.
35. Цаголов Г.Н. Почему все не так. М.: Экономика. 2012. 462 с.

Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики /
Материалы научного семинара Института нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 27 июня
2014 г. / Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) (под общ. ред.
С.Д. Бодрунова) / СПб.: ИНИР, 2014. – 51 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 28.07.2014.
Тираж 1000 экз. 51 с.
Заказ № 2600434

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16